

ISBN 978-5-9551-0319-8

9 785955 103198 >

Риккардо Николози
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПАНЕГИРИК XVIII ВЕКА

Риккардо Николози

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПАНЕГИРИК XVIII ВЕКА

МИФ — ИДЕОЛОГИЯ — РИТОРИКА

Riccardo Nicolosi

DIE
PETERSBURG-
PANEGYRIK

RUSSISCHE STADTLITERATUR

IM 18. JAHRHUNDERT

Peter Lang
2002

Риккардо Николози

ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПАНЕГИРИК
XVIII ВЕКА

МИФ — ИДЕОЛОГИЯ — РИТОРИКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2009

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Н 63

СОДЕРЖАНИЕ

Научный редактор А. Р. Зарецкий

Николози, Риккардо

Н 63 Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика / Риккардо Николози; Пер. с нем. М. Н. Жаровой под ред. К. А. Богданова. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 216 с.

ISBN 978-5-9551-0319-8

Книга итальянского слависта Риккардо Николози посвящена русским панегирическим текстам XVIII в. — «похвальным словам» и одам, прославляющим Петербург и его державного основателя. В центре внимания исследователя — формирование «мифа о Петербурге» в панегирике XVIII в. и его последующий «демонтаж», начало которого автор усматривает в поэзии С. Боброва. История петербургского панегирика рассматривается в контексте российской государственной идеологии и европейской литературной традиции от античности до Нового времени. Это позволяет автору уточнить, дополнить и частично пересмотреть выводы классических работ Н. П. Анциферова и В. Н. Топорова.

ББК 83.3

В оформлении обложки использован фрагмент картины
И. Урениуса «Петербург. Зимняя канавка», 1815

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0319-8

© R. Nicolosi, 2002
© Peter Lang GmbH, 2002
© К. А. Богданов, М. Н. Жарова,
перевод на русский язык, 2006

Введение	7
1. Концепт «петербургская литература» в работах Н. П. Анциферова и В. Н. Топорова	12
2. Жанровое пространство панегирика	18
3. Петербургский панегирик	26
I. ХАОС <i>VERSUS</i> КОСМОС: МИФОПОЭТИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ПАНЕГИРИКА	29
1. Петербургская космогония	30
1.1. Хаос в космогонических мифах	31
1.2. Петербургский «генезис»	33
1.3. Пустота — пустыня — пустошь	41
1.4. Ab urbe condita: Петербург, Рим, Константинополь, Москва	51
2. Предвестие конца. Допотопный Петербург	57
2.1. Петербург как pars pro toto	59
2.2. Пространственно-временные структуры петербургского панегирика	61
2.3. Оппозиция <i>grius — nunc</i> в панегирике	64
2.4. Петровский панегирик	66
2.5. Классицистическая ода	67
2.6. Вторжение хаоса	72
II. ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР: САМОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ	77
1. Символика петербургской космогонии	78
1.1. Риторика нового	79
1.2. Сакрализация царя	80
1.3. Русское «Преображение»: «Три сени» Стефана Яворского	82
1.4. «Радикальная специфика» русской культуры	83

2. Культурная идентичность, открытие границ	85
2.1. Коды коллективной идентичности	85
3. Петровский Петербург	88
3.1. «Централизация» Петербурга	88
3.2. «Энтропизация» Москвы	90
3.3. Москва в Петербурге: узурпация идеологии	91
3.4. Переосмысление границ	94
3.5. Эталонная реальность	97
4. Петербург в послепетровское время	97
4.1. Ресемиотизация Москвы	98
4.2. Московский текст русского панегирика	99
4.3. Север	103
5. Между раем и утопией	106
III. PETROPOLIS SUB SPECIE TOPICAE	111
1. Топологическое мышление	112
1.1. Исторический экскурс: античность, раннее Новое время	113
1.2. Определение топики по Л. Борншойеру	120
2. Проблемы перевода	125
2.1. Первая риторизация Петербурга: «Три сени» Стефана Яворского (1708)	126
2.2. Эпидейктические городские топосы (loci ab urbe)	131
2.3. Древнерусский городской панегирик	135
2.4. Laus urbium в восточнославянской культуре	135
2.5. «Слово в похвалу Санктпетербурга» Гавриила Бужинского (1717)	140
2.6. Ex loco circumstantiarum loci: торжественный Петербург	146
3. От городской топики к топике Петербурга	155
3.1. «Слово на освящение академии художеств» Ломоносова (1764)	155
3.2. Восприятие пространства и смена перспектив	159
4. Маньеристический панегирик: С. С. Бобров	171
4.1. Торжественный день столетия	172
4.2. Поэтика как aemulatio	179
Заключение	185
Литература	191
Указатель имен	210

Введение

La memoria è ridondante: ripete i segni perché la città cominci a esistere.

Italo Calvino, «Le città invisibili»¹

По пути в Рим апостол Андрей остановился на месте, где впоследствии суждено было возникнуть Киеву. Здесь он водрузил крест и предрек основание города. Затем, по свидетельству «Повести временных лет»², он продолжил свой путь, чтобы прибыть на место будущего Новгорода, узнать славян и их обычаи. До начала XVIII в. оставался, однако, «скрытым» тот факт, что во время своих странствий по будущей Руси апостол Андрей сделал еще одну остановку, а именно в «Санктпетербургской земле». Здесь он опустил свой жезл, благословил эту землю и предсказал ее будущее величие. Об этом сообщает анонимная рукопись Петровской эпохи «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга»³, в которой, среди прочего, рассказывается известный миф об основании города: будто бы в поисках места, пригодного для постройки нового города, Петр Великий выбрал остров Енисаари, так как в тот момент, когда он его осматривал, в небе показался орел. Два дня спустя, 16 мая 1703 г., по его повелению на острове был захоронен ковчег с мощами святого Андрея; на ковчеге была надпись: «По воплощении Иисус Христове 1703 маия 16 основан царствующий град Санктпетербург великим государем царем и великим князем Петром Алексиевичем, самодержцем Всероссийским» [Беспярых 1991: 258]. Так было положено основание новой царской резиденции и одновременно положено начало интертексту Петербурга.

Не столько несоответствие между мифическим повествованием и историческими фактами⁴, сколько насыщенная интертекстуаль-

¹ «Память избыточна, она умножает знаки, чтобы город запечатлелся как живой» [Кальвино 2001] (перевод цит. по электронной версии: <http://calvino.lib.ru/mainframeset.html>).

² См.: [Повесть временных лет 1950: 12].

³ См.: [Беспярых 1991: 258–262].

⁴ См., например: [Столпянский 1995: 9–26].

ность нарратива и ее воздействие на формирование культурной семантики города характеризуют легенду об основании города петровского времени. Если отсылка к древнерусскому преданию о странствованиях св. Андрея по Руси ставит Петербург у истоков русского православия⁵, то знаменательное появление орла отсылает к легенде об основании Константинополя⁶ (то есть к легенде об основании децентрированной столицы, в традиции которой воспринимается Петербург), а присвоение ему римской коннотации подкрепляется возведением храма в честь святых Петра и Павла. То обстоятельство, что мощи св. Андрея легли в основание города, означено также и тесное сплетение его (интер)текстуальной ткани.

Хотя отсылка к существующим мифам и традициям призвана в первую очередь легитимировать основанный Петром город, то есть ввести его в контекст русской культуры⁷, она вместе с тем заметно определяет создание культурной семантики Петербурга, — поскольку город, не имеющий истории, создавал свою идентичность прежде всего через текстуальную причастность к чужим традициям. Петербург, согласно одному из главных тезисов настоящего исследования, с самого начала представлял собой нечто «сотканное», дискурсивное единство культурных ссылок, породивших его семантику в форме мифов и легенд, идеологием и утопий, цитат и символических действий.⁸

В этой связи литература — и в первую очередь панегирической, о которой пойдет речь, — принадлежала ключевая роль: изначально именно она стала источником концепций, определявших семантику города. Она была не столько источником интерпретации города — как это случилось, к примеру, по мнению К. Штирле (1993), в истории Парижа⁹, — сколько участвовала в создании текста города,

⁵ При этом Петербургу приписывается более высокое положение, чем Киеву или Новгороду, так как подчеркивается, что св. Андрей «завещал» свой жезл «Санктпетербургской», а не «Киевской» и не «Новгородской» земле.

⁶ В рукописи «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга» эксплицитно говорится о параллелях между мифами об основании Константинополя и Петербурга (см.: [Беспятых 1991: 259]; см. также: [Вилинбахов 1984: 53]).

⁷ Литературное изображение Петербурга в XVIII столетии и особенно в Петровскую эпоху преследует своей стратегией узаконения парадоксальную цель: ввести в культуру город, задуманный как альтернатива этой самой культуре. См., в частности, главу II.

⁸ Б. Гройс определяет Петербург как «обширную культурную цитату», «гигантскую декорацию, состоящую из цитат» из всевозможных «исторических городов» [Groys 1995: 169].

⁹ Штирле [Stierle 1993: 50] указывает на то, что «дискурсивное образование городского текста <...> само по себе уже является проявлением сознания города и высшей формой городского знака». Вывод Штирле о том, что Па-

она, так сказать, «строила» город. Подобно петербургской архитектуре, обязанной своей уникальной гибридной цитатой и смешению всевозможных стилей, петербургский панегирик вписал «свободный от риторики» город в ткань гетерогенных текстов, сформировавшуюся под влиянием петровских идеологов и мифов, образцов повествования из древнерусской традиции и риторической топики прославления города. Настоящая работа ставит своей целью исследовать эту ткань и тем самым осветить ее до сих пор не раскрытую многослойность.

Понятие «*петербургский панегирик*» имеет в виду литературную дескрипцию города на Неве в торжественных одах и прославляющих речах XVIII — начала XIX в. Этот неологизм, однако, отнюдь не выполняет функции нового обозначения уже знакомой материи, поскольку речь идет о реконструкции определенной литературной традиции изображения Петербурга, до последнего времени обойденной вниманием исследователей. В исследованиях, посвященных «петербургской» литературе — от Н. П. Анциферова до В. Н. Топорова¹⁰ — изображение этой традиции исчерпывалось, как правило, указанием на фрагментарность и «незрелость» образа города, не выдерживающего сравнения с более поздними городскими текстами (Stadttexte) Пушкина, Гоголя и Достоевского¹¹. С этой точки зрения петербургская литература XVIII в. казалась неадекватной параллелью классической петербургской литературе XIX и XX вв., своего рода неструктурированным сырым материалом, из которого лишь в эпоху романтизма был «вылеплен» подлинный петербургский миф¹².

риж воспринимает и «открывает» сам себя через городской текст (Stadttext), может быть применен и к другим городам, имеющим похожую литературную традицию (Лондон, Рим и др.). В случае Петербурга XVIII в. речь идет, однако, не о литературной традиции большого города, благодаря которой упорядочивается и делается интерпретируемым необозримый знаковый хаос города, а об определении и построении семантики новооснованного и не имеющего истории города.

¹⁰ О литературном мифе Петербурга в целом см., в частности: [Анциферов 1924 и 1991; Lo Gatto 1991; Holthusen 1973; Долгополов 1977; Monas 1984; Топоров 1995].

¹¹ Немногочисленные работы, посвященные образу Петербурга в XVIII столетии, не выходят, как правило, за рамки неполного, скупо и необъективно прокомментированного собрания материалов. См. также посвященную Москве монографию Г. Циглер — [Ziegler 1974]; кроме того [Poczynajło 1976, Monas 1988 и Автухович 1995].

¹² См., например, [Анциферов 1991: 58]: «Все, что было сделано до певца Медного Всадника, является лишь отдельными изображениями скорее идеи Северной Пальмиры, чем ее реального бытия»; «Петербургская тема в лите-